

УДК 327

Урманбетова Жылдыз,

доктор философских наук, профессор отделения философии Кыргызско-Турецкого университета «Манас»
iyldyz_us@mail.ru
urmanbetova.j@gmail.com

Urmanbetova Jyldyz,

PhD, Prof., Department of Philosophy, Kyrgyz Turkish University "Manas"
iyldyz_us@mail.ru
urmanbetova.j@gmail.com

КЫРГЫЗСТАН: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И США

Статья написана в мае 2013 г. в период командировки в Вашингтоне в качестве приглашенного исследователя международного центра ученых им. В. Вилсона (Институт Кеннана)

Статья посвящена анализу процесса трансформации в Кыргызской Республике. Основной акцент ставится на рассмотрение роли основных внешних игроков в Центральной Азии – России и США. При этом рассматриваются точки соприкосновения Кыргызстана с каждой из сторон – Россией и США, а также противоречия взаимоотношений внешних игроков между собой по отношению к Кыргызстану. Затрагивается значение кыргызских «революций» и феномена парламентаризма в преломлении к Кыргызстану.

Ключевые слова: Кыргызстан, Россия, США, ШОС, цветные революции, военная база, Афганистан, Большая Центральная Азия, трансформация.

KYRGYZSTAN AT THE CROSSROADS OF INTERESTS OF RUSSIA AND USA

The paper was written in May 2013 during an academic trip to Washington in the capacity of visiting researcher to the International Center of after W. Wilson (the Kennan Institute)

This paper deals with analysis of the reshaping process in the Kyrgyz Republic. The study focuses on examination of the positions in Central Asia kept by the major players from abroad, Russia and the United States.

The paper considers thereat points of contact of Kyrgyzstan with either party, Russia and the United States, and their variance on some matters as well that make the outsider players diverge with regard to Kyrgyzstan. The study explores significance of "Kyrgyz revolutions" and the phenomenon of parliamentarianism adapted to Kyrgyzstan.

Keywords: Kyrgyzstan, Russia, USA, SCO, floral revolutions, military base, Afghanistan, Greater Central Asia, reshaping.

Кыргызстан – центральноазиатское государство, провозгласившее суверенитет и ориентацию на демократию в 1991 г. За прошедшие двадцать с лишним лет Кыргызская Республика демонстрирует сложный путь преобразований: две цветные революции, глубокий экономический кризис, перманентный политический конфликт, социальные противоречия, отражающиеся в бесконечных митингах, кризис гражданской, культурной и других видов идентичности. Это образ современного Кыргызстана. Геополитически республика вызывает интерес различных держав, основными из которых выступают Россия, США, Китай. Каково же влияние России и США на процесс трансформации Кыргызстана?

Россия и Кыргызстан: общее и особенное

Россия – не просто стратегический партнер Кыргызстана да и всех республик центральноазиатского региона. Россия занимает особое место в системе внутренней и внешней политики Кыргызской Республики благодаря одному существенному факту: срабатывает стереотип экс-единой страны, и это не просто отложило отпечаток на двусторонние отношения, а предопределило некоторую неразделимость в плане общей истории, экс-единой идеологии, специфики менталитета и культуры определенного периода. Россия является мощным союзником достаточно длительного периода развития. Однако необходимо отметить, что Россия периода Союза и современная Россия в качестве самостоятельного государства по отношению к Кыргызстану – это две разные субстанции.

Общая история – это основополагающий факт единства, передающийся из поколения в поколение. История взаимоотношений Кыргызстана и России не является идиллической, имея длительные, многовековые связи, восходящие к XVI веку [1]. Были сложные моменты, длительное время остававшиеся белыми пятнами, о которых с особой силой заговорили после обретения независимости. Одним из таких противоречивых эпизодов истории является подавление Россией восстания кыргызов в 1916 г. Вместе с этим имеют место быть противоположные факты, когда судьбы кыргызского и русского народов были тесно переплетены, ярким примером чего могут служить страницы истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Единая история обусловила общую социальную память довольно длительного периода. Социальная память является основополагающим критерием единства российского и кыргызского народов, за более чем семь десятилетий был сформирован общий дух советского

патриотизма, и это не голый пафос, а имевшая место быть реальность определенного этапа исторического времени и единого пространства. Период социализма, как и любой исторический промежуток времени, имел как позитив, так и негатив. Идеологические стандарты советского бытия на тот момент истории сместили этнические параметры самоопределения личности, оставив их далеко позади феномена «советский человек», национальная культура претерпела унификацию, обретя ограниченное значение традиций и обрядов. Уровень национального самосознания был низок, в первую очередь отразившись на определенной консервации кыргызского языка. Вместе с негативным влиянием советского периода на самоощущение кыргызской нации объективности ради имеет смысл акцентировать внимание и на позитивном факторе объединения Киргизии с Россией – произошел всплеск в культурном развитии: начала развиваться литература, различные виды искусства, что в целом привело к существенному скачку уровня общецивилизационного развития кыргызов.

Взаимоотношения России и Киргизии исторически очень противоречивы, но стоит отметить, что уже после вхождения в состав России в качестве автономной, а впоследствии союзной республики говорить о советском колониализме неправомерно, что нередко предпринимается в зарубежных изданиях. «Советский колониализм в Центральной Азии был во многих отношениях менее дискриминационным, экономически менее эксплуататорским и более развитым, чем европейский колониализм в Африке и Азии» [2]. Да, было определенное подчинение республик центру, вместе с тем было сохранено и закреплено юридически право наций на самоопределение, что является основополагающим моментом для определения статуса народа и его территории.

Развал Союза и обретение суверенитета – это последний общий момент в истории Кыргызстана и России, но пережито это было уже индивидуально и самостоятельно. В первые годы после развала о некогда едином государстве на время было забыто, для каждой страны вопрос о самоопределении стоял порознь, началось время становления суверенных государств. Сосредоточившись на внутрироссийском контексте, Россия упустила координирующие рычаги в Центральной Азии, соответственно восстановление роли контролирующего игрока в данном регионе с течением времени обрело существенное значение для внешней политики России, являясь смысловой определенностью имперского проекта в Центральной Азии.

В период президентствования Б. Ельцина отношения между Россией и Кыргызстаном только начали приобретать более явные очертания. Как оценивают сами российские эксперты политику России в Центральной Азии, ее можно отразить по нескольким этапам: «первый охватывает период начала-середины 1990-х и характеризуется фактическим исключением Центральной Азии из сферы приоритетов России; второй, начавшийся в конце 90-х гг., связан с критическим переосмыслением Россией результатов своей внешней политики в целом, в том числе и на центральноазиатском направлении; третий, начавшийся в 2000 г. с приходом к власти В. Путина, можно охарактеризовать, как целенаправленное стремление вовлечь регион в сферу влияния России, в первую очередь для кардинального усиления международных позиций России» [3]. Совершенно ясно, что Кыргызстан для России необходим в качестве буферной зоны, поскольку географическое положение Кыргызской Республики позволяет снизить ряд потенциальных угроз безопасности России. Это в первую очередь близость Афганистана через Таджикистан. Афганистан официально признается страной международного терроризма и экстремизма, и это реальная угроза не только безопасности России, но и всего мира. Кроме того это и коридор контрабанды наркотиков, представляющих еще одну разновидность угрозы национальной безопасности.

Находясь в центре Центральной Азии, Кыргызстан является региональным «хартлендом» как для ШОС (Шанхайской организации сотрудничества), так и для треугольника Москва – Пекин – Дели. На востоке Кыргызстана – Китай, на юге – Афганистан, Иран, на западе – Кавказ, на севере – Российская Федерация. Значение Кыргызстана как транзитной геополитической и геоэкономической единицы для стратегических планов России на южном направлении связано с тем, что К. Болдуин назвал «степенью потери силы», соответственно эта степень уменьшается при отдалении от данной территории [4]. Тем самым Кыргызстан для России – это действительно стратегический приоритет в южном направлении, Россия это отчетливо понимает, в связи с чем ей небезразлично, в каком состоянии находится республика, т.к. нестабильность в Кыргызстане напрямую влияет на ситуацию в регионе и на самоощущения России. В этой связи формирование ШОС – стратегически верный шаг для контроля центральноазиатского региона, однако при этом, как отмечали в свое время эксперты, «борьба за доминирующую роль в Центральной Азии вообще и в Кыргызстане в частности шла даже внутри самой ШОС» [5]. В

этом контексте уместно вспомнить и об инициативах Китая, который в 2005 г. косвенным образом выразил свои амбиции на лидерство в Центральной Азии, предложив 900 млн долларов экспортных кредитов странам-участницам ШОС. В тот момент данная инициатива была сглажена предложением России образовать общий фонд развития ШОС. Тем самым роль в Центральной Азии стратегически важна трем мировым лидерам – США, России, Китаю. Нейтрализующий момент – партнерство России и Китая, являющихся союзниками, в связи с чем определенное пересечение интересов России в центральноазиатском регионе связано с США, которые тоже наметили свои инициативы в данном региональном направлении. Однако необходимо заметить, что в последнее время роль Китая начинает приобретать более явные очертания.

Россия в сравнении с другими внешними игроками очень четко представляет потенциал каждой из стран центральноазиатского региона, будучи знакомой со спецификой ментальности и культуры, глубоко информирована о противоречивых вопросах внутренней политики каждой республики. Это говорит о том, что Россия в полной мере знает, с кем имеет дело, и это существенная деталь во взаимоотношениях в мировом контексте. Важный момент здесь – обозначение существа евразийского пространства. А. Дугин, определяя стратегию России, утверждает, что она «с геополитической точки зрения представляет собой континентальную массу, тождественную самой Евразии и совпадающую с геополитическим понятием Heartland» [6].

Россия: восприятие кыргызских «революций» и военная база в Канте

Кыргызские «революции» - отдельный аспект во взаимоотношениях между Кыргызстаном и Россией, поскольку проецируют восприятие одним из стратегических партнеров перманентных переворотов, совершающихся в республике. В отличие от Запада, который оценил и тюльпановую революцию 2005 г., и революцию роз 2010 г. как стремительное продвижение демократии в мире и, в частности, в центральноазиатском регионе, Россия прохладно отнеслась к подобного рода демократическим инициативам. Суммируемый взгляд России на кыргызские события отражен в высказывании В. Фролова: « Неконституционное изменение власти, признаваемое международным сообществом, приводит к длительной политической дестабилизации, контролируемой извне и парализующей легально избранную власть» [7]. В восприятии Россией кыргызских «революций», на мой взгляд, необходимо отметить несколько стратегических приоритетов: во-первых, в Кыргызстане проживают русские как крупнейшее этническое меньшинство на территории республики, и их судьба в контексте «революций» не может не волновать Россию (за двадцатилетний период суверенизации количество русских резко и значительно сократилось, и данный процесс миграции остается открытым по сей день); во-вторых, сам факт «революции» – дурной пример для патрональной политической системы России (Россия – самодостаточное государство, однако хотя бы теоретически необходимо иметь в виду возможность экспорта революции); в-третьих, нестабильность в Кыргызстане автоматически означает усиление риска безопасности во всей Центральной Азии, несмотря на достаточно авторитарные режимы других республик, и одновременно угрозу безопасности евразийского пространства; в-четвертых, систематические «революции» ослабляют силу контроля в регионе, провоцируя недалеко дислоцирующиеся базы международного терроризма и экстремизма; и в-пятых, риск перехвата инициатив в регионе Соединенными Штатами, вдохновляемыми подобными революциями на новые стратегические планы в регионе. Учитывая такой расклад ситуации, Россия однозначно подчеркивает необходимость мирного урегулирования конфликтов в Кыргызстане и развития без подобных эксцессов [8]. Одним из важнейших инструментов влияния на Центральную Азию, и в частности на Кыргызстан, является ОДКБ, рассматриваемая в качестве главного межгосударственного инструмента, призванного противостоять региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера. Кыргызстан всегда придерживался решений ОДКБ.

Вопрос легитимности власти после каждого из переворотов поднимался Россией в первую очередь. Однако, несмотря на перманентную нестабильность Кыргызстана, Россия не может пренебречь им в стратегических целях по указанным выше причинам. Идея и реальный переход Кыргызстана на парламентскую форму правления не могли не вызвать раздражения у России, поскольку общеизвестно, что ее основным приоритетом является сильная президентская власть, позволяющая держать контроль над всем в своих руках, парламентаризм в Кыргызстане означал лишние хлопоты для России, поскольку в качестве договаривающейся стороны уже мог выступить не один человек, а как известно, в Кыргызстане локальные лидеры не

всегда могут конструктивно договориться между собой, не говоря о внешних силах, по отношению к которым у каждого местного политика свое видение. Альтернативой явилось военное присутствие России, благодаря созданной в г. Кант военно-воздушной базы ВВС. Необходимо отметить, что основной акцент в стратегии России в центральноазиатском направлении ставится именно на военное присутствие, что, как считают некоторые эксперты, по большому счету экономичнее во всех отношениях [9]. Эта инициатива преследует несколько целей: дает понять о серьезном присутствии России; позволяет контролировать ситуацию в плане безопасности; показывает важность центральноазиатского региона в контексте американского присутствия; позволяет иметь точку быстрого реагирования. Ратификация соглашения о военной базе в Канте будет означать долгосрочное сохранение интересов и присутствия в республике, и в регионе в целом.

Кыргызстан и США: точки соприкосновения

США представляют еще одного важного игрока на территории Центральной Азии, и в Кыргызстане в особенности. Пристрастное отношение США к Кыргызстану обусловлено в первую очередь цветными революциями, произошедшими в единственной стране центральноазиатского региона. Сама идея революции в этом регионе будоражила сознание Запада, затем она обрела реальные черты свержения авторитаризма, и уже потом наступило разочарование от такой близости цели и невозможности ее осуществления. США были одним из первых государств, признавших независимость Кыргызстана. Это было новое направление во внешней политике США, прежде неизведанное, а оттого и малопонятное. Общепринято деление политики США в Центральной Азии на три основных этапа: с момента образования суверенных государств и до 2001 г. (время присматривания к региону, определения точек соприкосновения в различных направлениях); после событий 11 сентября 2001 г., когда на повестку дня в США встал вопрос о необходимости антитеррористической операции против режима талибов и Аль-Каиды в Афганистане; третий же этап начался после ухода Дж. Буша-младшего с поста президента и датируется 2009 г. [10].

За период с 1992 по 1999 гг. США потратили около 1,9 млрд. долларов на «открытие» Центральной Азии и Кавказа, однако все это время государства центральноазиатского региона продолжали оставаться «закрытыми», бедными, далекими, опасными и слабыми мусульманскими странами [11]. Особую роль в открытии США Центральной Азии и использовании ее в акции против Афганистана, как известно, сыграл проект «Большая Центральная Азия», созданный Ф. Старром, в котором использовалась идея Великого Шелкового пути как объединяющей центральноазиатские государства. Данный проект был нацелен на то, чтобы закрепиться в регионе в противовес России и Китаю. Однако представленный концепт носил больше разведывательно-исследовательский характер, нежели политико-практический, хотя предполагалось, что Афганистан станет центром проекта Большой Центральной Азии, а центральноазиатские государства должны будут самостоятельно создавать систему региональной безопасности [12].

Основной смысл данного проекта, только в пророссийском варианте, как уже упоминалось, получил свою реализацию в организации Шанхайской организации сотрудничества в июне 2001 г., куда входят все республики Центральной Азии, Россия и Китай. Это говорит о том, что интересы трех держав, США, России и Китая, пересекаются в одном географическом пространстве – Центральной Азии.

Новый виток отношений стран центральноазиатского региона и США начался после трагических событий сентября 2001 г., террористические акции в Нью-Йорке стали причиной для создания Антитеррористической коалиции, 7 октября 2001 г. началась операция в Афганистане [13]. В целях проведения операции актуализировалось значение государств Центральной Азии – соседей Афганистана, были созданы военные базы в Узбекистане (Карши Ханабад) и Кыргызстане (в декабре 2001 г. в районе международного аэропорта «Манас» была открыта авиационная база «Ганси», впоследствии переименованная в «Манас»). Начальный срок аренды был два месяца и продлен до года, затем на три года, при возможной пролонгации договора аренды, настоящий срок аренды истекает в конце 2014 года. Военная база «Манас» стала камнем преткновения не только в отношениях Кыргызстана и США, но и во внешнеполитических отношениях по нескольким векторам: между Кыргызстаном и Россией, Россией и США. Продление или расторжение договора об аренде проявляет различные аспекты существующих противоречий: внутривнутриполитические разборки Кыргызстана о необходимости и возможности за-

ключения и продления договора (в данном случае сосуществуют противоположные мнения как известных политиков, так и простых граждан); попеременное напряжение дипломатических отношений между Кыргызстаном и Россией, Кыргызстаном и США (в данном случае неоднозначна роль экс-президентов А. Акаева и особенно К. Бакиева, не выполняющих и пересматривающих данные обещания по субъективным и объективным причинам); коррупционные схемы, возникшие относительно поставок топлива и договора аренды, имевшие место во времена А. Акаева и К. Бакиева с непосредственным участием их родных; актуализация соотношения военной и гражданской составляющих в преломлении к авиабазе «Манас». Тем самым вопрос использования авиабазы до настоящего времени является спорным и вызывает многочисленные дискуссии политиков как внутри Кыргызстана, так и за его пределами.

В настоящий момент президент А. Атамбаев утверждает, что международный аэропорт «Манас» должен ассоциироваться только с гражданской составляющей, по его мнению военной компоненты быть не должно. Данное мнение подтверждалось им несколько раз и было зафиксировано средствами массовой информации [14]. Необходимо отметить, что именно пересечение военной и гражданской компонент неоднократно вызывало споры, парламент Кыргызстана (Жогорку Кенеш) приходил к решению о закрытии авиабазы. Тогда США продлили договор, переименовав авиабазу в Центр транзитных перевозок, однако основной акцент центра остался прежним – переброска сил вооруженной коалиции в Афганистан, т.е. военная компонента не исчезла [15].

Центр «Манас» является одной из важнейших составляющих не только во взаимоотношениях Кыргызстана и США, но в целом присутствия в Центральной Азии. Растет количество экспертных оценок о присутствии и выводе войск США из Афганистана, обосновывающих, что речь идет не о выводе, а о передислокации. В этом отношении основная нагрузка должна будет лечь на центральноазиатские государства, где по периметру с Китаем могут быть расположены центры. Расторжение договора об аренде авиабазы «Манас» в определенном отношении будет означать потерю лидирующей позиции США в контроле над центральноазиатским регионом, без нее будет сложнее активно проявлять свое присутствие в регионе [16]. В республике на этот счет существуют противоречивые мнения. Так например, известный дипломат М. Иманалиев считает, что взаимоотношения с США будут подорваны, если Кыргызстан выведет транзитный центр из «Манаса». На его взгляд, это необдуманное решение для Кыргызстана. К этому же мнению склоняется и депутат Жогорку Кенеша Р. Жээнбеков, в бытность экс-президента А. Акаева занимавший государственные должности, а после бегства А. Акаева некоторое время проживавший в США. Он утверждает, что «транзитный центр в вопросах безопасности обеспечивает трехслойную безопасность: страны, региона, всего мира и помимо базы между правительствами США и Кыргызстана нет ничего, что бы их сближало» [17].

Другое мнение высказывает политолог А. Князев, представляя данные не о выводе, а о передислокации войск из Афганистана, при этом он считает, что А. Атамбаева постигнет участь одного из двух экс-президентов – А. Акаева или К. Бакиева [18]. Важность центра следует и из поездки помощника госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Роберта Блейка, осуществившего поездку в центральноазиатские государства в январе 2013 г., где Р. Блейк заявлял о том, что США приветствуют предложенную президентом Кыргызстана идею создания гражданского коммерческого транспортного центра в «Манасе» [19]. Это лишний раз свидетельствует о значимости данного объекта для интересов США в Центральной Азии.

Особый аспект шумихи вокруг базы – международный. Турция, как известно, поддерживает США в данном вопросе, обнаруживая дипломатическое единство, вытекающее из общих целей. США помогли Турции решить вопрос с курдами и разрешили ее конфликты с Израилем. В ходе недавнего визита премьер-министра Турции Р. Эрдогана в Бишкек затрагивался и вопрос авиабазы [20]. Мнение же России по этому вопросу однозначно на протяжении нескольких лет. Известно, что Россия пообещала серьезную поддержку для развития в случае выполнения А. Атамбаевым данного им слова о закрытии центра транзитных перевозок «Манас». Тем самым авиабаза «Манас» стала сложным клубком противоречий различного профиля, не исключено обострение отношений Кыргызстана с той или другой стороной в случае и закрытия базы, и продления срока аренды, что не исключает возможность договоров двух внешних сторон на предмет своего присутствия и лидерства в Центральной Азии, в частности, в Кыргызстане. В таком плане Кыргызстан еще раз продемонстрирует свою слабость и несамодостаточность.

Соединенные Штаты в своей деятельности не стали ограничиваться одним направлением в стратегии по Центральной Азии, ими были инициированы многие аспекты в изучении и привлечении центральноазиатских государств в различные международные проекты. Наиболее

важными векторами деятельности США следует считать: гражданский сектор – формирование и финансирование множества неправительственных организаций, некоторые из которых довольно успешно функционируют; большой блок образовательных программ как наиболее стратегическое направление – обучение кадров, которые в будущем могли бы поддержать политику США; экономическо-финансовое стимулирование через МВФ, кредитные линии Всемирного банка; и, конечно, военная составляющая, о которой было сказано – формирование баз на территории Центральной Азии и, в частности, в Кыргызстане. При этом США превратились в очень сильного игрока, способного противостоять интересам России в этом регионе.

Однако значительный акцент был сделан на Кыргызстан в контексте экспорта революций: после розовой революции в Грузии и оранжевой в Украине, в марте 2005 г. в Кыргызстане произошла тюльпановая революция, третья цветная революция на постсоветском пространстве.

Тюльпановая революция в Кыргызстане и роль США

Произошедшая в марте 2005 г. тюльпановая революция в Кыргызстане произвела фурор как в регионе, так и за его пределами, но везде по-разному. На Западе, наряду с восторженными откликами о прорыве демократии, возникла надежда на мощное продвижение демократии в столь авторитарном в целом регионе. Вместе с тем влияние США на события в Кыргызстане было существенным, что было связано с поддержкой неправительственных организаций как части гражданского общества, которые активно реагировали на события; неофициальным диалогом как с представителями старого режима, так и с оппозицией; помощью в организации молодежного движения «Келкел», однако никакой экспорт революции в страну невозможен без объективных причин, условий и обстоятельств, способствующих ее свершению. Каким бы образом не были спровоцированы массовые выступления, они имеют объективную основу и субъективные составляющие. В этом смысле можно согласиться с мнением Л. Митчелла, который, изучая цветные революции на постсоветском пространстве, пришел к важному выводу о том, что «цветные революции возникают, когда проходят мошеннические выборы, осуществляются в короткий срок и возникают в странах, где слабое правительство, где гражданские организации разных размеров» [21]. Это достаточно правомерное утверждение, поскольку оно обнаруживает свою действенность в целой серии цветных революций – и розовой в Грузии, и оранжевой в Украине, и тюльпановой в Кыргызстане. Приведенные параметры действительно отражают реальную ситуацию, возникшую накануне «революции» в Кыргызстане: выборы в Парламент (Жогорку Кенеш) были отмечены массой нарушений, в особенности на тех участках, где в качестве кандидатов фигурировали дети А. Акаева; кроме того слабость кыргызского правительства была налицо; неправительственные организации были очень разношерстны, действия некоторых из них протекали больше спонтанно, нежели планомерно и размеренно.

Что произошло в результате? Экс-президент убежал из страны, столицу и регионы захлестнули массовые выступления, сопровождающиеся мародерством. Что это было? Если взять Марксову и впоследствии Ленинскую трактовку революций, то классические составляющие революционной ситуации имеются: невозможность верхов управлять по-старому, нежелание низов жить по-старому и активность народных масс [22]. Народ шел с осознанным убеждением в необходимости низвержения существующей власти как неспособной воплотить в жизнь принципы демократического развития, где акцент ставится именно на народ как главную силу демократии. Воодушевленности, смелости, мужеству выступивших против авторитаризма как первого, так и второго президента можно только удивляться и восхищаться, что позволяет судить о высоком потенциале народа. Но вместе с тем, чтобы эти выступления стали поистине народной революцией, необходимо было, чтобы они инициировались самим народом. Этот факт тоже имел место быть, однако большую роль сыграли представители оппозиции, спровоцировавшие массы на одновременные выступления в столице и некоторых регионах. Оппозиция сумела поднять народ, а затем манипулировать их действиями, вдохновляя на захват власти. Это и есть основная канва цветных революций в Кыргызстане. Действия оппозиции оказались действенными и слаженными и привели к искомой цели – свержению действующего на тот момент президента А. Акаева. Что получила республика в результате свержения набирающего обороты авторитаризма? С течением времени еще больше развернувшийся авторитаризм К. Бакиева. Надежда США на продвижение демократии в Кыргызстане потерпела крах. «В Кыргызстане демократический процесс после тюльпановой революции быстро выдохся, тюль-

пановая революция была бедной имитацией демократии. Очень мал демократический импульс» [23].

Как повели себя США? После полного разочарования в возможном прорыве демократии в Центральной Азии и провала, США пересмотрели свою политику в регионе, в очередной раз оказалась незначительная осведомленность о специфике политической культуры, социальной памяти и системе культурных ценностей, а также клановости. Ошибкой США оказался взгляд на тюльпановую революцию как конечную точку транзита демократии в Кыргызстане, а оказалось, что это была не смена режима, а смена лидера, которая привела к малым изменениям демократии в Кыргызстане [24].

Вторая «революция» – революция роз в апреле 2010 г. (точнее второй государственный переворот) – во временном разрезе произошла после обострения отношений Кыргызстана и США по договору о продлении аренды центра транзитных перевозок «Манас», в конце концов К. Бакиев пошел на уступки и договор был продлен. Сценарий «революций» во многом совпадал, однако второй государственный переворот не сумел ограничиться ненасильственной сменой власти: в народ стреляли, и этот факт придал совершенно другой ореол событиям. В этом контексте можно провести параллель с декабрьским восстанием 1905 г. в России как высшего момента революции 1905 г., после которого в России на много десятилетий вперед сфокусировался вопрос о кровавом характере восстания. Примерно то же самое, только с отсрочкой в век произошло в Бишкеке, когда президент демократически ориентированной страны ощутил себя «царем», забыв о нуждах народа и своих обещаниях. Следствием стало форсирование событий по переводу республики на парламентскую форму правления.

В отражении ситуации после апрельских событий 2010 г. высказывались различные мнения относительно последующего развития. В данном случае представляется объективным взгляд Е. Троицкого о реализации инерционного сценария, на который сработали следующие факторы: «перевороты в Киргизии не приводят к обновлению политической элиты, являясь фактически перетасовкой кадров, высший эшелон которых сформировался в 1990-х годах; продолжается подпитка киргизской экономики извне, позволяя избежать экономической катастрофы; основные региональные (Казахстан, Узбекистан) и внерегиональные (Россия, США) игроки не заинтересованы в обострении ситуации и продемонстрировали в ходе апрельских событий способность к координации своих интересов и действий, «точечному», но результативному вмешательству в ситуацию» [25].

США и Россия в вопросе о Кыргызстане

Отдельным вопросом, требующим внимания, выступает вопрос о дипломатических отношениях США и России в связи с интересом и продвижением политики в центральноазиатском регионе, в частности, в Кыргызстане. Этот вопрос поднимается сам собой в политическом анализе существа трансформационных преобразований в Кыргызской Республике, поскольку сопряжен с отношением к кыргызским «революциям» и военной составляющей других держав в Центральной Азии. Положение Кыргызстана в этом смысле не самое завидное, удачным можно назвать выражение «Киргизия между «великими...»» [26]. Кыргызстан, не обладая ресурсами, вынужден сохранять и поддерживать дипломатические отношения со всеми игроками в Центральной Азии, которые преследуют противоположные интересы. Чаще всего, как показывает опыт двадцатилетнего суверенитета, это не всегда и не совсем удается, попеременно обостряются отношения с каждым из игроков. Первоначально возникли споры с Китаем в результате неправомерной передачи части территории Кыргызстана, впоследствии данный вопрос был улажен. Затем возникла напряженность с США, когда военная база «Манас» была закрыта, но со временем ее открыли под названием Центр транзитных перевозок. И существенный конфликт во времена К. Бакиева с Россией, когда был получен трехсотмиллионный кредит и должен был быть получен стопятидесятимиллионный грант в обмен на обязательство закрыть американскую базу в «Манасе», но этого не произошло. Кыргызстан при всех существующих противоречиях старается каким-то образом улаживать возникающие разногласия с каждой из сторон, в итоге обретая имидж государства, не выполняющего данных обязательств, провоцируя некоторых политиков либо делить республику, либо требовать оплаты в виде природных богатств [27]. В этой ситуации внешним игрокам приходится самостоятельно решать свои проблемы с Кыргызстаном, вследствие чего возникает напряженность во взаимоотношениях игроков, в частности между Россией и США за лидерство в центральноазиатском регионе и конкретно в Кыргызстане. В большей степени это касается военного присутствия и от-

ношения к прошедшим цветным революциям в республике. При этом издано много аналитических статей и в российских, и в американских научных журналах, монографий о роли Кыргызстана в отношениях между Россией и США [28].

По отношению к тюльпановой революции позиции России и США были прямо противоположны: США восприняли это как демократический прорыв, Россия сочла неконституционным изменением власти, хотя впоследствии признала новую власть в Кыргызстане. События 2010 г. насторожили обе стороны, и, поскольку им было невыгодно обострять ситуацию в республике и в регионе в целом, их позиция оказалась единой, в этом смысле ведущие внешние игроки умилили свои амбиции в критичный для Кыргызской Республики момент, стратегически правильно определив, что это не время демонстрации политической силы и веса в республике. Это говорит о том, что отношения России и США могут подвергаться координации. Однако в постапрельское время вновь возникло пересечение интересов, целью каждой страны продолжало быть стремление занять лидирующие позиции в Кыргызстане. «В контексте цветных революций произошла и выросла враждебность России к США за активность в этом регионе. С усилением государства и экономики Россия вернула роль важного игрока и конкурента США в государствах бывшего Союза... Россия не прекращала своего участия во внутренней политике государств. Это способствовало возрастанию напряженности между США и Россией. Цветные революции показали необходимость вернуться к российско-американским отношениям и строить политику на понимании интересов и способностей России, особенно в странах бывшего СССР» [29].

В настоящее время наступает следующий противоречивый момент в российско-американских отношениях по центральноазиатскому региону (по Кыргызстану в частности), поскольку приближается решение проблемы по Центру транзитных перевозок «Манас», срок которого истекает в конце 2014 года. Исходя из существующих заверений президента Кыргызстана А. Атамбаева о необходимости исключительно гражданского контекста авиабазы, теоретически США потеряют существенную роль в республике и в регионе в целом. США продолжают настаивать на необходимости продления договора, возможно и на обновленных условиях, но пока уверенным в этом не может быть никто, ни внутри республики, ни в странах, выполняющих роль основных игроков – России и США. Закрытие базы будет означать если не крах, то значительное ослабление влияния США на регион. Это будет серьезным ударом в проведении политики США по борьбе с терроризмом и экстремизмом, если не найдется другой выход.

С другой стороны, еще не факт, что не будет найден компромисс между США и Россией, как это уже было в случае с К. Бакиевым. В этом плане возможно последует ответная реакция (определенные санкции) со стороны России, вряд ли она сможет и захочет второй раз нейтрально воспринять невыполнение обязательств со стороны Кыргызстана. Соответственно большая роль выпадает и на самих внешних игроков.

В отношении Кыргызстана к внешним игрокам можно выделить два аспекта: государственный (позиция республики, проявляющаяся во внешней политике), и общественный (отражающий идеи и предпочтения граждан). Если первый аспект недостаточно ясен, поскольку Кыргызстан до настоящего времени лавирует между внешними игроками, стараясь сохранять позитивные дипломатические отношения с каждым из них (насколько умело – это другой вопрос), то второй отражает реальные настроения простых людей, озабоченных своим будущим в контексте будущего страны. В этом отношении показательны социологические исследования, проводящиеся шестой год в республике, согласно которым около 85-95% граждан (варьируется в зависимости от года) предпочтение отдают России как основному внешнему игроку. Стереотип это или объективная потребность – каждый решает по-своему [30].

Что есть современный Кыргызстан?

Кыргызстан сейчас государство, не обладающее самодостаточностью, как и все предшествующие двадцать лет. Экономика современного Кыргызстана может быть отражена по различным аспектам: закрыты многие производственные предприятия (что произошло в начале независимости и за все последующие годы не было восстановлено ни одно угасшее производство); остро стоят проблемы миграции (наряду с экономическим бессилием поднимая финансовые проблемы и противоречия); процесс приватизации так и не остановился, пройдя в своем развитии не менее четырех ступеней; использование зарубежных инвестиций всегда поднимало один извечный вопрос – куда и как потрачено, поскольку явных доказательств привести сложно; коррупция стала основным признаком экономического и политического развития; раз-

решение энергетического кризиса только начинает приходить от самих идей к их воплощению в контексте кыргызско-российских соглашений. Конечно, имеются и позитивные аспекты, однако в количественном и качественном соотношении они уступают.

Политика Кыргызстана также находится в состоянии перманентного кризиса. Дразги между политическими партиями носят скорее не принципиально политический характер в различном идеологическом видении развития республики, а межличностный. Вместе с тем, как считают некоторые эксперты, в Кыргызстане уже появилась тенденция конкуренции политической элиты. Она наблюдается между лидерами партий, между фракциями в парламенте. Также впервые в стране появляется идеологический дискурс [31]. Однако на сегодняшний день культура согласия несовершенна.

Социальная жизнь раскрывает себя в разрезе социальной структуры: средний класс составляет 15-20%, бедных – более 65%, богатых – около 20%. Основным фактором социального бытия на протяжении двух десятилетий упорно остаются митинги, время от времени провоцирующие перевороты власти. В настоящее время социальная напряженность несколько спала, однако временами наблюдаются вспышки социальных конфликтов как определенные волны общественного развития.

Культурная ситуация может быть отражена в сосуществовании двух противоположных тенденций: первая, которая с особой силой начала проявляться сразу после провозглашения суверенитета – это определенная абсолютизация кыргызских традиционных ценностей и символов культуры; вторая – ориентация на западные ценности как универсальные нормы существования, которые хлынули мощным потоком и усиливаются в контексте наращивания глобализации, эта тенденция превратилась в вестернизацию.

Краткий взгляд на основные аспекты жизни Кыргызстана позволяет говорить о противоречивости, неустойчивости развития. Во внешней политике Кыргызстан чаще всего действовал не стратегически, а в момент возникновения проблемы, соответственно плывя по течению жизни. В этом смысле прав был политолог Н. Омаров в том, что «внешняя политика Кыргызстана носит имитационный характер, она нерациональна и нелогична, внутренние задачи не определены, ... она напоминает хаотичное движение» [32]. Такой имитационный характер был присущ кыргызской политике все два десятилетия потому, что Кыргызстан как суверенное государство не сумел пока выработать самодостаточности и ощущать себя самостоятельным геополитическим субъектом на мировой арене. В результате этого наиболее приемлемым вариантом оказалась многовекторность внешней политики, как считает А.Г. Большаков, «многовекторность внешней политики является признаком определенной зрелости национального государства, при этом она изначально является конфликтогенным фактором, поскольку ориентирована на различные силы в современной мировой политике. Но это реальность, с которой приходится мириться. Рассчитывать на союзников, которые будут моноцентричны в своем внешнеполитическом выборе, просто не приходится» [33]. Видимо именно поэтому Кыргызстан все время вынужден был раскланиваться мощным внешним игрокам, как диктовала сложившаяся социально-политическая ситуация, т.е. сама реальность.

Вместе с тем последние события внешнеполитической деятельности президента А. Атамбаева наводят на мысль о возможном стремлении Кыргызстана занять собственную позицию по внешним игрокам, не идя на поводу у каждой из заинтересованных сторон. Переговоры США о центре транзитных перевозок пока не увенчаны успехом, президент А. Атамбаев опять же пока стоит на своем в акцентировании на гражданской составляющей аэропорта «Манас». Одновременно с этим А. Атамбаев выступил и против предложения России о размещении базы на постоянной основе, давая понять, что эти вопросы не должны быть продиктованы республике. Возможно, это и есть первые шаги, попытки выработать собственную, самодостаточную позицию для ведения в последующем стратегически разработанной политики с собственным лицом? Вопрос остается пока риторическим.

Кыргызстан, несмотря на противоречия во внутренней и внешней политике, продолжает развиваться, при этом действия и деятельность внешних игроков существенно влияют на ситуацию как в республике, так и в центральноазиатском регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Воропаева В Кыргызстан – Россия: история и современность // *Центральная Азия и Кавказ*, 2000, №4.
2. Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. Cambridge Univ. Press, – New York, 2006. – P.65.
3. *Центральная Азия. Геополитика и экономика региона*. – М., 2010. – С.134-135.

4. Иванов С.Г. Влияние глобальных акторов на экономическую политику постсоветских стран (на примере Кыргызской Республики) Дисс. ... учен. степ. д. полит. н. – Бишкек, 2011. – С.42.
5. Абдылдаев С. ШОС – геополитика XXI века //Общественный рейтинг, 10.11.2005. №42.
6. Дугин А.Г. Основы геополитики. Россия и пространство. – М., 1997.
7. Frolov V. Democracy by Remote Control. Russia in Global Affairs, 4 (October-December) 2005.
8. Парад суверенитетов. Десять лет спустя //Санкт-Петербургские Ведомости, №43 (243), 2001.
9. Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. – М., 2010. С.185-186.
10. Blank S. U.S. Interests in Central Asia and Their Challenges //Demokratizatsiya, 2007. Vol.15, #3.; Cooley A. U.S. Bases and Democratization in Central Asia //Orbis. Vol.52.Issue 1, 2008.; Nichoe J. Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests. Congressional Research Service, Dec.10, 2004.
11. Maynes Ch.W. America discovers Central Asia //Foreign Affairs, 2003, March/April.
12. Starr S.F. "Greater Central Asia Partnership" for Afghanistan and Its Neighbors Silk Road Paper. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center, John Hopkins Univ., – Washington, DC, March, 2005.
13. Храмчихин А. Что случилось с антитеррористической коалицией – 11.09.2006 См.: <http://www.globalrus.ru/opinions/783080/>
14. Атамбаев А. Никакого американского присутствия на «Манасе» не будет, добавлено: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2012/09/20/1036649.html> added at: 20.09.2012.
15. <http://www.anti-nato.com/map/base/transit-center-at-manas.html>
16. Степанюк К. Добровольная оккупация: Атамбаев сдает Кыргызстан США? См.: <http://www.comment.kg/resonance/item/19629-dobrovolnaja-okkupatsiya-atambaev-sdaet-kyrgyzstan-sscha.HTML>
17. Если база уйдет... <http://www.gezitter.org/amerikanskaja-aviabaza/17355-esli-baza-uydet/>
18. Если Атамбаев не выведет авиабазу «Манас», его постигнет участь Бакиева, добавлено: <http://www.stanradar.com/news/full/1595-esli-atambaev-ne-vyvedet-aviabazu-manas-ego-postignet-uchast-bakieva.html> added at: 27.03.2013
19. Дискуссия о судьбе «Манаса» продолжается – помощник госсекретаря США См.: <http://www.ria.ru/world/20130117/918528810.html>
20. [20] Турция будет отстаивать интересы США по авиабазе «Манас» См.: <http://www.parusk.info/2013/04/10/78638>
21. Mitchell L.A. The Color Revolutions. – Univ. of Pennsylvania Press, – Philadelphia, 2011. – P.10-11..
22. Ленин В.И. Крах II Интернационала. – ПСС, Изд.5, т.26. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. – ПСС, Изд.5, т.41.
23. Mitchell L.A. The Color Revolutions. – Univ. of Pennsylvania Press, – Philadelphia, 2011. – P.108, 124.
24. Mitchell Ibid. – P.170-171.
25. Троицкий Е. Драма власти в Бишкеке //Международные процессы. – Т.8, №2 (23), май-август 2010.
26. Дундич А. Киргизия между «великими»... //Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. – Т.8, «2 (23), май-август, 2010.
27. Жириновский предлагает Кыргызстану отдать Иссык-Куль России за долги. См.: <http://tjiktj.tj/?q=ru/news/3728> добавлено 17.04.2013; <http://www.pr.kg/gazeta/number/502/1494/>
28. Spechler M.C. Spechler D.R. Russia's lost position in Central Eurasia //Journal of Eurasian Studies.- Vol.4, Issue1, Jan.2013; Cooley A. U.S. Bases and Democratization in Central Asia //Orbis, Vol.52, Issue1, 2008; Spechler M.C., Spechler D.R. Is Russia succeeding in Central Asia? //Orbis, 2010, Vol.51; Blank S. Whither the new great game in Central Asia //Journal of Eurasian Studies. Vol.3, 2012; Blank S. U.S. Interests in Central Asia and Their Challenges //Demokratizatsiya, Vol.15, #3/Spring 2007; Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. – М., 2010. Бородин Е.А. Кыргызстан в контексте мировой экономики и политики //Мир и политика, 2012, №02 (65), февраль; Богатуров А., Дундич А., Троицкий Е. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Очерки текущей политики. Вып.4 – М., 2010.
29. Mitchell Ibid. – P.74-75, 114.
30. <http://IRI.KR.poll.Aug-Sep.2011.Russian-main.part.ppt>
31. Ногойбаева Э. Самые активные партии в стране – социалистические См.: <http://www.m.knew.kg/ru/politics/20070/> добавлено 8.08.2012
32. Омаров Н. Внешняя политика Кыргызской Республики в эпоху «стратегической неопределенности». – Бишкек, 2005.
33. Большаков А.Г. Многовекторность во внешней политике Киргизии в контексте изменения конфликтности на постсоветском пространстве //Политэкс, 2010, №2.